

Т. Н. Вольнец (Минск)

ТЕКСТОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКИХ ПРИЧАСТИЙ (СИНХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Причастия в грамматической системе русского языка занимают особое место. Их конкретные языковые и прагматические характеристики формировались в соответствии с внутренними тенденциями русского языка. Процесс этот был сложным и неоднозначным, что отразилось и в интерпретационной судьбе причастий, грамматический статус которых пересматривался неоднократно, но так и не получил однозначной квалификационной оценки. В новой лингвистической парадигме XXI в. отношение ученых-филологов к причастиям по-прежнему остается весьма неопределенным. Так, говоря о неудовлетворительном описании системы частей речи, М. В. Всеволодова как бы вскользь замечает: «Причастия и деепричастия, разумеется, отдельные части речи, но в нашей практике они всегда даются как отглагольные формы, поскольку они функционируют в подавляющем большинстве случаев именно так» [1, с. 69]. В данной характеристике настораживает не столько ее противоречивость, сколько априорное утверждение автора о функциональном единстве причастий с другими глагольными формами.

На наш взгляд, семантическая, грамматическая и функциональная тождественность причастий и других глагольных форм весьма относительна. Предикативные формы глагола и причастия при функционировании в тексте соотносятся как «эксплицитное» – «имплицитное» и представляют собой некоторое функциональное множество, в котором нуждается язык для обеспечения своей коммуникативной гибкости.

Цель нашего доклада – представить информационно значимые характеристики текстовой интерпретации причастных форм и доказать самостоятельность грамматической и коммуникативной значимости причастий.

Материал для исследования мы выбирали из произведений Б. Пастернака (роман «Доктор Живаго»), М. Булгакова («Театральный роман» и «Мастер и Маргарита»). В результате сплошной выборки было получено 3504 синтаксические единицы, осложненные адъективно

представленным действием: 2093 – у Б. Пастернака [2], 1420 – у М. Булгакова [3].

Информационно значимыми характеристиками при текстовой интерпретации русских причастий, на наш взгляд, являются следующие: а) наличие/отсутствие трансформационных отношений с предикативными формами глаголов; б) характер качественных изменений, происходящих внутри причастных форм под влиянием строевых компонентов текста.

Первая характеристика важна для определения коммуникативной самостоятельности причастий. Легкость преобразования причастных форм в предикативные в рамках словосочетаний или причастных оборотов (*улыбающаяся девочка* → *девочка, которая улыбается*; *растаявший снег* → *снег, который растаял...*) создает иллюзию абсолютной трансформируемости и коммуникативной вторичности причастий. Однако на текстовом уровне эта иллюзия разрушается, поскольку причастные формы, употребляясь в различных контекстуальных условиях, оказываются связанными с другими языковыми единицами и под их влиянием нередко теряют свою способность к преобразованию в предикативную форму глагола, в результате чего причастие превращается в коммуникативно значимую, единственно возможную языковую единицу в заданном автором текстовом пространстве: *На галерее какой-то смятенный гражданин обнаружил у себя в кармане пачку, перевязанную банковским способом и с надписью на обложке* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). → Трансформация причастной формы *перевязанную* невозможна, поскольку она употребляется в однородном ряду вместе с несогласованным определением *с надписью на обложке* и является обязательным фрагментом целостной семантической характеристики.

Количественное соотношение трансформируемых и нетрансформируемых причастий в текстах произведений интересующих нас авторов свидетельствует о том, что примерно каждое третье причастие у Б. Пастернака (654 из 2093, 31,2 %) и каждое пятое у М. Булгакова (302 из 1420, 21,4 %) имеет собственную коммуникативную значимость и не может быть преобразовано в предикативную форму глагола.

Синтаксические позиции, нейтрализующие трансформационный потенциал причастий, в текстах М. Булгакова и Б. Пастернака в принципе совпадают [4], однако у каждого из авторов есть свои любимые способы и приемы актуализации атрибутивных свойств причастных форм. Так, Б. Пастернак, стиль которого в основе своей импрессионистичен [5, с. 20] и характеризуется намеками и полутонами, «поточностью», «сцепленностью», прихотливой связью метафор и аналогий, явно отдает предпочтение одиночным причастным формам, семантика которых ориентирована не столько на представление действий лица или предмета, сколько на описание и оценку состояния. Большинство из них автор использует (как самостоятельно, так и в смешанном ряду определительных форм) для характеристики и оценки деталей внешнего облика, психического и физического состояния человека и внутренних свойств предметов (*пылающая рука, вечеряющие поля, холодящий снежок, (неслышно) помолодевшее лицо, промерзшие стружки, разбежавшийся поезд, обмотанная голова, раздвинутые двери, закатанная по локоть рубашка, обсаженная березами дорога, гладко зачесанные волосы...*), т. е. для выражения стативных, как определяет их И. К. Сазонова, значений и отношений. Стативные значения причастных форм не выходят за рамки глагольной семантической зоны [6, с. 10], но нацеливают на преимущественно атрибутивное использование причастий, ослабляя их предикативные свойства и характеристики даже при наличии зависимых компонентов. Ср.: *В комнату вошла девочка лет восьми. Узко **разрезанные**, уголками врозь **поставленные** глаза придавали ей шаловливый и лукавый вид* (Б. Пастернак. Доктор Живаго). → Трансформация причастий *разрезанные, поставленные* невозможна, так как обозначаются не процессуальные, а оценочно-характеризующие (стативные) признаки.

У М. Булгакова атрибутивные функции причастных форм чаще всего усиливаются при семантическом объединении причастия с определяемым словом и образовании семантически единых, а часто и синтаксически нечленимых определительно-предметных номинаций. Это могут быть самые неожиданные соединения лексем – признака с его носителем, – результат же получается один: создается цельный единый образ, слитное «представление», благодаря которому трансформационные возможности причастных форм практически сводятся к

нулю. – См.: *...некоторое время* [Понтий Пилат] *молчал, мучительно вспоминая, зачем на утреннем безжалостном ершалаимском солнце-пеке стоит перед ним арестант с обезображенным побоями лицом* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). → Трансформация причастной формы *обезображенным* невозможна: в структуре предложения она используется автором как компонент семантически и синтаксически нечленимой конструкции (*арестант с обезображенным побоями лицом*) для характеристики весьма существенной (и потому обязательной) детали внешнего вида человека.

Весьма характерным для М. Булгакова является также использование причастий в функции препозитивных определений при субстантивах с постпозитивным дополнением или несогласованным определением. В этом случае трансформационные возможности причастных форм ослабляются из-за стилистической двусмысленности конструкции-трансформа, возникающей в результате включенности в действие, обозначенное предикативной формой-трансформом, как собственно определяемого предмета, так и его атрибута.

Маргарита увидела лежащую на полу перед нею полоску света под какую-то темную дверь (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). → **Маргарита увидела полоску света под какую-то темную дверь, которая лежала на полу перед нею* (что лежало – полоска света или дверь?).

Вторая значимая характеристика текстовой интерпретации причастных форм (качественные изменения, происходящие внутри причастных форм под влиянием строевых компонентов текста) выявляется при переводе действия из адъективной репрезентации в предикативную.

В процессе анализа возможных трансформов доминирующего члена причастной синтагмы мы установили следующее.

1. Процессы контекстуальной модификации лексико-грамматического содержания причастий в текстах романов М. Булгакова охватывают 37,2 % использованных автором трансформирующихся причастных форм, у Б. Пастернака на долю нестандартных и вариативных трансформов приходится 48,3 %.

2. Область грамматической и лексической семантики причастных форм функционально оказывается членимой, подвижной и восприим-

чивой к влиянию языкового окружения. На уровне текста модифицируются временные, модальные, видовые и залоговые характеристики причастных форм.

Изменение **временных характеристик** чаще всего наблюдается в системе форм действительных причастий настоящего времени. Авторы включают их в процесс конструирования «сюжетного времени» [7, с. 256], в полной мере используя при этом художественно-изобразительные функции причастных форм. С их помощью создаются живые картины или сцены, происходящие как бы перед глазами читателя, в результате события, о которых идет речь, воспринимаются острее, так, словно вы являетесь непосредственным их участником. Например: *Дамы, смеясь, сбрасывали туфли, отдавали свои сумочки своим кавалерам или неграм, бегающим с простынями в руках, и с криком ласточкой бросались в бассейн* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). → *Дамы, смеясь, сбрасывали туфли, отдавали свои сумочки своим кавалерам или неграм, которые бежали с простынями в руках, и с криком ласточкой бросались в бассейн.*

Сфера, в которой возможно появление **вариативных** временных трансформов – это прежде всего «сфера повествования об инактивных предметах и состояниях» [8, с. 13], т. е. контексты, создаваемые для отражения ситуации и фактов без местоположения во времени, для описания свойств и качеств предметов и лиц, а не событий, имеющих точку отсчета на временной оси.

Юрий Андреевич с детства любил сквозящий огнем зари вечерний лес (Б. Пастернак. Доктор Живаго). → *Юрий Андреевич с детства любил вечерний лес, который сквозит/сквозил огнем зари.*

В крайней ложе яруса, находящейся у самого портала сцены, что-то загорелось (М. Булгаков. Театральный роман). → *В крайней ложе яруса, которая находится/находилась у самого портала сцены, что-то загорелось.*

В данных примерах временное значение причастных форм нейтрализуется благодаря сочетанию грамматических характеристик основных предикатов с обобщенно-описательным характером контекста. С одной стороны, в данных высказываниях есть определенные временные ориентиры (основные предикативные центры – *любил, загорелось* – относят действие в область прошедшего времени), и преобразо-

вание причастной формы в предикативную возможно с учетом их временного значения. Однако общий описательный характер контекстов допускает и другое прочтение: процессуальный признак, обозначаемый причастием, может быть представлен как постоянное свойство/качество лица или предмета, т. е. предикативной формой глагола в значении настоящего неактуального времени.

Значение **ирреальной модальности** (конкретно – сослагательного наклонения) причастные формы приобретают в высказываниях, структурные элементы которых формируют представление о возможном или желательном осуществлении описываемых событий и явлений.

Он знал, что из стоящих и развешанных кругом вещей нет ни одной, принадлежащей Ларе (Б. Пастернак. Доктор Живаго). → *Он знал, что из стоящих и развешанных кругом вещей нет ни одной, которая принадлежала бы Ларе*. Причастная форма **принадлежащей** вводится автором в собственно отрицательное высказывание, для которого характерно отрицание существования и связи признаков. В результате причастие **принадлежащей** представляет действие-признак как потенциально возможное, должное или желательное, т. е. реализует свое вторичное значение, приобретенное в данном контексте и ориентированное на его модально-временной фон.

Контекстуальное изменение **видовых характеристик** причастных форм наблюдается в тех случаях, когда общий характер контекста не препятствует нейтрализации видového значения и требует представления действия, заключенного в причастной пропозиции, в форме глагола с противоположным видовым значением.

Ср.: *Вдали по равнине справа налево катился чистенький желто-синий поезд, сильно уменьшенный расстоянием* (Б. Пастернак. Доктор Живаго). → *Вдали по равнине справа налево катился чистенький желто-синий поезд. Расстояние сильно уменьшило (его)*. – Лексико-грамматическое содержание причастной формы **уменьшенный** соотносится с лексико-грамматическим содержанием предикативной формы глагола *уменьшать*, поскольку в контексте отражается ситуация обобщенно-фактического действия, характерная для глаголов несовершенного вида. Внимание автора привлекает не характеристика процесса протекания действия (единичность или повторяемость, ограниченность или неограниченность его пределом), а сам факт протекания действия, поэтому глагольные и причастные формы, использован-

ные в данном контексте, оказываются ориентированными на самое общее упоминание о действии, простое название его без указания на характер осуществления.

Изменение видовых характеристик причастных форм не всегда идет исключительно в противоположном направлении. Нередко авторы используют формы действительных причастий прошедшего времени для обозначения процессуальных признаков, индифферентно относящихся к видовым характеристикам действия. Совмещение в причастных формах значений совершенного и несовершенного вида обычно наблюдается в контекстах с обобщенно-абстрактным или констатирующим содержанием, допускающим нейтрализацию аспектуальных характеристик процессуального признака.

*Наконец им удалось объехать ломового, **преграждавшего** им дорогу* (Б. Пастернак. Доктор Живаго). → *Наконец им удалось объехать ломового, который **преграждал/преградил** им дорогу.* – Лексико-грамматическое содержание причастной формы можно представить двумя предикативными формами, поскольку их видовые значения неограниченно-кратного (*преграждал*) и наглядно-примерного (*преградил*) в рамках данного контекста не противопоставляются друг другу, а практически передают одну и ту же семантическую информацию.

*Дорога вела в гору, Иуда подымался, тяжело дыша, по временам попадая из тьмы в узорчатые лунные ковры, **напомнившие** ему те ковры, что он видел в лавке у ревнивого мужа Низы* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). → *Дорога вела в гору, Иуда подымался, тяжело дыша, по временам попадая из тьмы в узорчатые лунные ковры, которые **напомнили/напоминали** ему те ковры, что он видел в лавке у ревнивого мужа Низы.* – Ситуация, обозначенная причастной синтагмой, при развертывании текста может быть представлена и как ситуация единичного конкретно-фактического действия, характерная для употребления предикативных форм глаголов совершенного вида (*напомнили*), и как ситуация обобщенного факта, обычно выражаемая предикативными формами глаголов несовершенного вида (*напоминали*).

Контекстуальная модификация **залогового значения** обычно наблюдается при использовании форм страдательных причастий прошедшего времени в таких контекстах, где определяемые причастиями

имена существительные замыкают действие на себе. В результате в лексико-грамматическом содержании причастных форм деактуализируется грамматическое значение страдательного залога и появляются семы, соотносимые с чисто субъектными значениями возвратных глаголов.

*Шапка ее волос, в беспорядке **разметанная** по подушке, дымом своей красоты ела Комаровскому глаза и проникала в душу* (Б. Пастернак. Доктор Живаго). → *Шапка ее волос в беспорядке **разметалась** ('небрежно, беспорядочно рассыпаться (о волосах)') по подушке и дымом своей красоты ела Комаровскому глаза, проникала в душу.*

*Толпы богомольцев стояли за каппадокийцами, покинув свои временные полосатые шатры, **раскинутые** прямо на траве* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). → *Толпы богомольцев стояли за каппадокийцами, покинув свои временные полосатые шатры, которые **раскинулись** ('расположиться на широком пространстве, протянувшись в разных направлениях') прямо на траве.*

Изменение залоговых характеристик у **действительных** причастий настоящего времени – явление относительно редкое, поэтому отмеченные нами у М. Булгакова вариативные трансформации типа *обдумывающий* → *обдумывал/обдумывался, страд.* особенно интересны.

*Пропал отягощенный розами куст, пропали кипарисы, **окаймляющие** верхнюю террасу, и гранатовое дерево, и белая статуя в зелени* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). → *Пропал отягощенный розами куст, пропали кипарисы, которые **окаймляли** верхнюю террасу (или которыми **окаймлялась** верхняя терраса), и гранатовое дерево, и белая статуя в зелени.*

*Исчезли висячие мосты, **соединяющие** храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). → *Исчезли висячие мосты, которые **соединяли** (или которыми **соединялся**) храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом.*

Модификация залогового значения у действительных причастий настоящего времени наблюдается в тех случаях, когда носители атрибутивных признаков (*кипарисы, мосты*) могут быть представлены в функции семантического субъекта в форме как именительного, так и

творительного падежа, а признак-действие в процессуальном отношении оказывается равным по значению предикативным формам глаголов с противоположными залоговыми характеристиками.

Многообразие конкретных реализаций причастных форм в речи свидетельствует о том, что действительные и страдательные причастия, традиционно рассматриваемые как «особые формы глагола», при текстовой реализации фактически ведут себя как **самостоятельный** [9] класс производных слов – **синтаксических дериватов**, возникших в результате структурных и общекатегориальных преобразований глагольных основ. В современной системе русского языка причастия существуют как вторичные единицы, основное назначение которых – представление семантики глагола в атрибутивной форме. В процессе своего функционирования они приобретают семантическую усложненность и грамматическую диффузность, превращаются в свернутые структуры, противопоставленные формам образующих глагольных лексем не только в функциональном, но и в категориальном плане. Противоречивость семантической и грамматической структуры причастий (неактуальность системных и актуальность речевых характеристик) есть следствие коммуникативных потребностей языка, для функционирования которого необходимы единицы, способные в одной форме объединять целый спектр значений, представленный в языке комплексом глагольных лексем, и выступать как весьма действенное средство компрессии смыслов.

1. *Всеволодова, М. В.* Русская грамматика XXI века – грамматика языка функционирующего (наше представление о языке: задачи и перспективы) / М. В. Всеволодова // Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI Конгр. Междунар. ассоц. преп. рус. яз. и лит. (Варна, 17–23 сент. 2007 г.). – Sofia, 2007. – Т. 1.

2. *Булгаков, М. А.* Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита: романы / М. Булгаков. – М., 1988.

3. *Пастернак, Б. Л.* Доктор Живаго / Б. Пастернак. – М., 1989.

4. Ослабление трансформационных возможностей причастных форм наблюдается в тех случаях, когда причастия употребляются: а) в функции преили постпозитивного определения (как одиночного, так и с зависимыми словами), и эта функция становится для них в данном контексте основной; б) в функции препозитивного определения при субстантивах с постпозитивным дополнением или несогласованным определением; в) в смешанном ряду адъективных форм (среди согласованных и несогласованных определений); г) в составе неглагольного сказуемого или деепричастного оборота, сформиро-

ванного как вторичный предикат на базе неглагольного сказуемого; д) в качестве дополнительного рематического сказуемого (подробнее об этом см.: *Волынец, Т. Н.* Грамматический феномен причастия / Т. Н. Волынец. – Минск, 1998. – С. 24–33).

5. *Асмус, В. Ф.* Творческая эстетика Б. Пастернака / В. Ф. Асмус // Пастернак Б. Л. Об искусстве. – М., 1990. – С. 8–35.

6. *Сазонова, И. К.* Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь / И. К. Сазонова. – М., 1989.

7. *Золотова, Г. А.* Аспекты изучения глагольного времени / Г. А. Золотова // Известия АН СССР. – СЛЯ. – Т. 34. – 1975. – № 3. – С. 248–258.

8. *Луценко, Н. А.* Категория вида в русских причастиях (значение и употребление): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Луценко. – М., 1982.

9. В данном определении для нас принципиально положение о самостоятельности причастий, поскольку их оценка как синтаксических дериватов встречается и у А. А. Камыниной, однако с оговоркой о внутривидовом характере процесса синтаксической деривации в случае «глагол → причастие», основанном на единстве лексической и категориальной семантики причастий и образующих их глаголов. – См.: *Камынина, А. А.* Современный русский язык. Морфология: учеб. пособие для студентов филологических факультетов / А. А. Камынина. – М., 1999. – С. 31, 142.